

РАЗДЕЛ I

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.1;330.8

Егоров В.Г.

Московский государственный областной университет

АКТУАЛИЗАЦИЯ КООПЕРАТИВНОЙ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: В статье предпринята попытка определения современных трендов цивилизационного развития, актуализирующих теорию кооперации, как особого типа социальных и производственных отношений. Эти отношения, основанные на кооперативной собственности, преодолевают отчужденность труда и реализуются в малых организационных формах. Регенерация доминантной роли личности в экономическом процессе, безальтернативность кооперации в определенных экономических и социальных «нишах», демассивизация потребительского рынка обуславливают новый этап в концептуализации кооперации. Рассмотрены теоретические взгляды представителей науки и общественных деятелей на природу кооперации труда. Дан обзор примеров экономической политики по развитию форм кооперативной организации ряда стран.

Ключевые слова: кооперация, социально-экономические отношения, производственный кооператив, потребительский кооператив, экономическая теория.

V. Yegorov

Moscow State Regional University

THE THEORY OF COOPERATION IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. The article attempts at determining the trends of modern civilization development putting into practice the theory of cooperation as a special type of social and industrial relationships based on cooperative ownership, overcoming the alienation of labor and operating in small organizational forms. The restoration of the dominant role of the individual in economic process, the absence of alternatives to cooperation in certain economic and social «niches» as well as a non-massive character of consumer market account for a new stage in the conceptualization of cooperation.

Key words: cooperation, a special type of relationships, economic theory, social thought, methodology of individualism, institutionalism, intellectualization of socio-economic sphere, the dominant role of the individual.

© Егоров В.Г., 2015.

Кооперация (лат. *cooperatio* – сотрудничество) в философском смысле означает форму организации труда или общественной жизни, предполагающая совместное участие людей в каком-либо деле. В экономической теории под кооперацией понимается, во-первых, в широком плане закономерное явление взаимодействия хозяйствующих субъектов, возникающее в ходе структурирования экономической деятельности и разделения труда. Во-вторых, в узком смысле институционализированная форма организации социально-экономического процесса или особый тип социальных и производственных отношений, основанный на кооперативной собственности, преодолевающий отчужденность труда и его результатов и реализуемый в малых организационных формах.

Вопрос дифференциации двух экономических понятий кооперации далеко не тривиальный. Отсутствие ясности в определении границ сущностей каждого определения ведет к серьезным ошибкам в хозяйственной практике. Так российское законодательство в отношении сельскохозяйственной кооперации допускает членство в одном объединении как частных, так и юридических лиц, что говорит о непонимании составителями правовых актов отличий в природе кооперации индивидов и предприятий. В первом случае таковая генерирует особый общественно-экономический уклад, основанный на гармонизации труда и собственности, во-втором – экономический эффект достигаемый безотносительно к форме собственности объединяемых субъектов. Особая мотивация труда аграриев в кооперативном предприятии, являющаяся

результатом совмещения в одном лице хозяина и трудящегося, полностью отсутствует, например в предпринимательской структуре, основанной на наемной рабочей силе и вступающей в кооперационные отношения с другой аналогичной структурой.

Кооперация как особый тип социально-экономических отношений занимает лучшие умы человечества, по крайней мере, на протяжении двух веков. Однако ракурс взгляда на кооперацию, определение общественной ценности и оценка ее содержания в каждую историческую эпоху настолько отличались, что предмет, притягивающий внимание обществоведов, не выглядит утратившим актуальность и новизну. Долгожительство кооперации в общественном сознании отчасти связано со сложностью самого феномена, проявляющегося в историческом контексте и экономической практике разнообразными гранями. В эпоху становления кооперативной формы организации общественного хозяйства взоры интеллектуальной элиты были прикованы к другой реалии, в силу своей революционизирующей сущности, обещавшей быстрое и эффективное продвижение по пути материального прогресса. Фабрика, рожденная как отрицание эксклюзивного ручного труда ремесленника, конституционализировала возможность массового производства, направленного на удовлетворение растущих потребностей человечества, затмила с трудом различимый альтернативный путь концентрации мелкой собственности через объединение материальных и трудовых ресурсов хозяев, стимулируемых рынком на поиск возможно-

сти повышения эффективности индивидуальных предприятий.

Отсутствие должного внимания к феномену кооперации в тот исторический период объяснялось предельно просто тем, что облик кооперативных объединений имел внешние черты идентичные коллективным формам труда (семейным, общинным, соседским «помочам» и т. д.), широко распространенным в традиционных обществах. Неслучайно значительная часть «почвенников», не видевшая в капитализации позитивного потенциала общественного развития, искренне считала кооперацию средством сохранения прежнего мироустройства. Абсолютизация кооперативных форм организации обусловила появление широкого движения энтузиастов, способствующих теоретическому и практическому внедрению кооперативов в социальный организм. Вполне понятна логика тех из них, кто полагал, что для развития кооперативного сектора не требуется никаких объективных предпосылок. В конstellациях этих мыслителей «укорененность» кооперации была подготовлена коллективизмом, являвшимся неотъемлемой ценностью традиционного порядка.

Целая плеяда энтузиастов кооперативного движения шла дальше теоретических эскерциций и обращала свои усилия на реализацию представления о более совершенном обустройстве человеческого общежития в общественной практике. Не имея ясного представления о цивилизационных границах функционирования кооперации, представители кооперативного движения пытались противопоставить артели и товарищества частнокапиталистической инициативе. Понятно, что такая

социальная перспектива кооперации, рожденная благими пожеланиями интеллигенции, была неосуществимой. Большинство кооперативов, появившихся в результате благородного порыва энтузиастов, не адаптировалось в хозяйственной реальности и имело недолгую историю. Вне связи с желанием кооператоров, сама логика рыночной экономики определила границы функционального пространства кооперативной организации.

В контексте классической экономической мысли кооперативная организация рассматривалась в качестве начальной стадии или средства демократизации капитализма. Социалисты видели в кооперации альтернативу капитализму или промежуточную к социалистическому хозяйству ступень развития. В представлении Карла Маркса (1818–1883), полагавшего на капитализм в создании материальной основы будущего социалистического устройства, как неизбежно подготавливающий смену общественно-экономической формации, простая капиталистическая кооперация являлась всего лишь первоначальной стадией капиталистического производства, предшествующей мануфактуре [6, с. 335] или паллиативным средством борьбы пролетариата против экспансии капитализма, не способным «ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты» [5, с. 7].

Отдельные представители несоциалистической мысли считали кооперацию «иррациональным чаянием страждущих» [17, с. 21], не имеющим к хозяйственной практике никакого отношения. Другие экономисты, концептуализирующие хозяйственную систему, основанную на капита-

листической доминанте, не высказав в отношении кооперации никакого мнения в своих теоретических построениях, по крайней мере, не исключали возможность ее существования в рыночной экономике. Среди таковых можно назвать Вильфредо Парето (1848–1923). Не признавая никаких «измов», Парето, обладавший широким социологическим видением предмета исследования, стремился охватить хозяйственный процесс во всем многообразии его проявлений [9, с. 51]. Универсальный взгляд на капитал как средство производства не имеющее прямого отношения к формам собственности был присущ позиции Ойгена фон Бем-Баверка (1851–1914), что позволяло всякий производственный процесс (государственного или кооперативного предприятия) считать «капиталистическим» [17, с. 234]. Не видел принципиальной разницы между кооперативной и частнокапиталистической организацией предприятий Леон Вальрас (1834–1910). В его представлении кооперация являлась средством, способным «придать высокие моральные и демократические качества» капиталистическим методам деятельности. Вальрас стремился осуществить «синтез социализма и либерализма», децентрализацию развития экономики с помощью кооперативов как формы самоуправления, «сделать всех капиталистами» [23, с. 252].

Теория кооперации выделилась в самостоятельное направление научного знания во второй половине 19-го века и развивалась в русле общественно-политической мысли, инициированной кооперативным движением. Большой вклад в понимание природы кооперативной организации внес-

ли труды отечественных мыслителей Н. Зибер, С.Н. Кривенко, Н.П. Баллина, Ф.Г. Тернера, Э.Р. Вредена, В.С. Садовского, А.О. Васильчикова, В.Ф. Лугинина, А.В. Яковлева, В.Н. Хитрово, В.П. Воронцова, А.И. Чепрова, А.А. Исаева, Ф.А. Щербины, А. Фаресова, М.И. Туган-Барановского и др. Однако широким теоретическим обобщениям этих авторов препятствовал идеологический формат. В случае с мыслителями народного направления, в кооперации предполагалось видение альтернативы капитализму; в концепциях либеральных экономистов – средство преодоления пауперизации населения в условиях форсированной модернизации экономики.

Новое звучание вопросы кооперативной теории получили в связи с революционной трансформацией социально-экономического строя страны, начало которой положила Великая русская революция 1917 г. Среди теоретиков нового социального порядка были и те, кто считал, что с переходом к социализму ресурс кооперации полностью исчерпывается. В числе таковых можно назвать известного теоретика, члена правления Центросоюза Н.Л. Мещерякова. С переходом к новой экономической политике «мейнстрим» кооперативной теории определяли идеи, высказанные В.И. Лениным в работе «О кооперации» (1923 г.). Осмысление перспективы развития кооперативного сектора привело к пониманию необходимости использования кооперативной организации в переходный к социализму период, но только в исторических рамках, определенных в целом для рынка и многоукладной экономики. Отка-

занной в самооценности кооперации отводилась роль «промежуточной ступени к социализму». В трудах А. Абolina, М.С. Балабанова, Р.Е. Вайсберга, М.Ф. Владимирского, М.Е. Власова, Е.К. Гиндина, М. Контора, П. Кугача, В.В. Куйбышева, Г.Э. Лобова, А. Лозового, В.В. Медведева, Г. Натансона, И.Я. Нкймарка, В.И. Николаева, Н.И. Попова, А.И. Рыкова, П. Севрука, А.М. Фишгендлера, Ф.А. Цилько отразилась эволюция ленинских взглядов на кооперацию: от определения ее места и роли в системе государственного капитализма к теоретическому представлению о «кооперативном плане» как необходимом «звене» социалистического преобразования экономики.

Проблематика, связанная с функционированием кооперации в условиях рыночного хозяйства, осталась в центре внимания кооператоров эмигрантов А.Н. Анцыферова, А.Д. Билимовича, К.А. Пажитного, С.Н. Прокоповича, М. Слобожанина, В.Ф. Тотомианца [10, с. 108], однако отсутствие эмпирической базы для глубоких обобщений ограничивало теоретический потенциал их трудов. На сохранение преемственности в развитии теории кооперации были направлены работы А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева [1, с. 50; 11, с. 97]. По причине идеологической регламентации теоретические воззрения этих исследователей не получили должного признания.

Традиции «рыночного социализма» нашли воплощение в теории и идеологии мировой социал-демократии. В 1946 г. была издана книга шведского политика и публициста Андерса Орна «Экономическая демократия: мысли

об актуальном», в которой он обосновал одноименную концепцию. По мнению А. Орна все общество должно быть организовано на кооперативной основе. Вновь был реанимирован давно известный термин – «кооператизм» [22, с. 15]. Точку зрения А. Орна, шведский исследователь Ян Эйк Делленбрант назвал рафинированием кооперативных идей [21, с. 17]. Обществоведы, разделяющие политические убеждения социал-демократов, связывали расширение общественного сектора экономики с социалистической перспективой. Они считали, что «с помощью кооперативов, народных движений, предприятий, находящихся в собственности работников и управляемых ими, ведется строительство собственно социалистического общества. За счет активной поддержки со стороны социал-демократов процесса формирования и расширения общественного сектора, создается альтернативное общество, опирающиеся на социалистическую идею» [24, с. 25].

Современная Швеция располагает богатым опытом кооперативного строительства. Воплощение в жизнь кооперативного социализма являлось одной из важнейших сфер программных установок шведских социал-демократов. «Социал-демократия хочет, чтобы идеал демократии наложил отпечаток на всю организацию общества и условия жизни людей, – записано в их программе, – чтобы в результате каждый получил возможность богатой и полнокровной жизни. Поэтому социал-демократия хочет так преобразовать общество, чтобы право принятия решений находилось в руках всего народа, чтобы граждане были освобождены от какой бы то ни было

зависимости, от любых групп власти, выражаемой их контролирующими функциями и, чтобы общество, основанное на классах, уступило место общности людей, действующих по законам свободы и равенства»... «Кооперативы, характерной особенностью которых является экономическая демократия, должны стать *in extensor* (буквально) главной частью социалистических преобразований» [24, с. 26].

В период «перестройки» в нашей стране появились статьи и книги Т.И. Заславской, Т.Е. Кузнецова, Н.К. Фигуровской, Л.Е. Файна в той или иной мере анализирующие проблемы кооперации. Вышедшие в постсоветский период работы Л.И. Абалкина, И.Н. Буздалова, А.В. Петренко, М.Ф. Шкляра, В.И. Теплинского, А.В. Ткача только обозначили контуры дальнейшего развития кооперативной теории. Попытка наметить функциональное пространство кооперации в экономике современной России предпринята И.Г. Даховым и В.И. Тепловым [2]. Современный всплеск интереса к кооперативной тематике свидетельствует о новом этапе актуализации теории и практики коллективных форм организации. Кооперация вновь выдвинулась в круг наиболее обсуждаемых социальных феноменов. Такая «метаморфоза» обусловлена отчетливо проявившимися трендами мирового общественно-экономического развития, свидетельствующими о востребованности и цивилизационном «ренессансе» кооперации.

События, связанные с мировым финансовым кризисом, показали, что приобретенная современным капитализмом способность усвоения принципов «социального государства», при

сохранении доминанты неолиберальных ценностей, не обладает устойчивым, необратимым характером. «Патологии», сопровождающие качественные изменения социально-экономического строя западных стран, в первую очередь компенсируются за счет социальных гарантий для населения. Отсутствие ясного представления о механизме выхода из кризисного состояния дает основание полагать, что приобретенные деструктивные тенденции будут и в дальнейшем вести к сужению возможностей государств в сохранении своего социального характера [13, с. 18]. В этой связи новое значение кооперативной организации отчетливо проявляется в двух аспектах.

Во-первых, высвобождающиеся от патернализма государства «ниши» в социальной сфере успешно замещают кооперативные формы самоорганизации населения. Причем, безусловно, являясь показателем консолидации общества, объединения граждан для решения жизненно важных проблем, находят благоприятную почву роста в странах с высоким уровнем гражданственности. Определяя в качестве мировой культурной перспективы не самоцель экономического прогресса, а ориентиры полноценного удовлетворения потребностей всех членов общества, необходимо учитывать позитивный опыт гражданской консолидации для решения социальных проблем [3, с. 77]. Во-вторых, кооперативный опыт скандинавских стран показал, что вне зависимости от реальной хозяйственной и политической ситуации, кооперация не заменима в социальных сферах, где частная инициатива или государственное присутствие не дают необходимого эффекта.

Кардинальная трансформация архитектуры планетарного мироустройства, вызванная вступлением человечества в эпоху информационных технологий и интеллектуализации всех сфер общественной жизни, вновь выдвигает в качестве центральной фигуры социального и экономического пространства субъекта, наделенного высокими нравственными качествами и багажом знаний, архетип которого формировался в традиционном обществе. На смену индивиду-«придатку конвейера» приходит индивид, самоценность которого становится доминирующим фактором современного экономического процесса. Не массовый труд «винтиков производственной машины», а уникальные способности работника вновь, как в эпоху средневекового ремесла становятся основным генератором «производительной силы».

Циклический возврат на место общественной доминанты субъекта сопровождается рядом вытекающих из этого процесса следствий. Во-первых, происходит демассивизация потребительского спроса, что в значительной степени актуализирует участие в хозяйственной деятельности малых экономических форм. Во-вторых, меняется экономический формат функционального пространства этих «малых форм». Если прежде они занимали нишу, в которой присутствие корпораций не оправдывалось с точки зрения коммерческой целесообразности, то в настоящий момент, благодаря большой доле в стоимости вновь произведенного продукта, составляющей, определяемой знанием, малые экономические формы становятся конкурентоспособными в общеэко-

номическом мейнстриме. В-третьих, возрождение личного фактора современного экономического процесса обуславливает возрастание нравственных оснований хозяйственной деятельности. Не случайно социально-экономические системы, сохранившие преемственность традиционным культурным ценностям, демонстрируют наиболее высокие темпы развития. Например, в современном Китае опора на семейные устои и принципы коллективизма является важнейшим инструментом построения эффективного общества [18, с. 310].

В отмеченные тренды цивилизационного развития как нельзя лучше вписывается именно кооперативная форма организации. В середине 1980-х гг. американские экономисты Майкл Пайор и Чарльз Сэйбл отметили, что массовое производство исчерпало ресурс, позволявший ему удовлетворять потребительский спрос. Потребительские предпочтения сместились в сторону эксклюзивности, малосерийности и особого качества предлагаемого продукта. Таким образом, по их мнению, наступил «второй промышленный водораздел» (*second industrial divide*), обусловленный новым качеством рынка. В новых условиях, привнесших, помимо прочего, изменения в технологии производства, мелкие, ориентированные на ремесленный высококвалифицированный труд предприятия обрели новую субъектность в рыночном хозяйстве. Востребованные мелкие хозяйствующие единицы, дабы не утратить преимущества крупного производства, стали воспроизводить «кооперативную структуру» (групповые закупки, организованный сбор, разделение технологического процесса и т. д.).

Отмеченные тренды современного промышленного производства представляют собой альтернативу «крупномасштабному производству» и генерируют рост кооперации на качественно новом уровне. Поиск пути преодоления противоречия между индивидуализирующейся структурой потребительского спроса и массовым характером капиталистического производства, обеспечивающего эффективность капитала, привел к рождению так называемой «итальянской модели» развития, описанной почетным доктором университетов Кембриджа и Урбино Джакомо Бекаттини [19, с. 29]. Феномен «итальянской модели» основан на создании и функционировании так называемых «промо-кругов», в которых объединено около десятой доли трудоспособного населения страны. «Промокруги» функционируют, прежде всего в экспортноориентированных отраслях, которые дают 46 % всего национального экспорта. Экономический строй «промокругов» учитывает национальные традиции промышленного производства, берущие истоки в ремесленной промышленности, ориентированной на самый взыскательный спрос.

Хозяйственными субъектами «промзон» являются мелкие предприятия [19, с. 107]. Сохраняя конкуренцию в выполнении отдельных технологических операций участники округов «объединены общей заинтересованностью в производстве некоего товара или услуги». Статья Дж. Бекаттини «От «промышленного сектора» к «промышленному округу»» (1979 г.) стала новым прочтением кооперативного «ренессанса» современной промышленности в рамках теории

дискриптуализма (от англ. *discript* – округ). Определяя институциональные качества округов Дж. Бекаттини пишет: «В округе, в отличие от других сред (например, промышленного города), сообщество и предприятия склонны, так сказать, к взаимному «прорастанию», проникновению друг в друга (*tendono ad interpenetrarsi a vicenda*)» [20, с. 38]. Конгломераты малых форм промышленного производства, объединенные выпуском одного продукта представляют собой нечто иное, как кооперацию с современной сложной морфологией, формально отличающуюся от кооперативных объединений эпохи перехода общества от аграрного к индустриальному состоянию, но воспроизводящую их природные качества: доминирующую роль субъекта, наделенного эксклюзивным мастерством и коллективизм как средства достижения нового уровня эффективности.

Однако было бы неверным полагать, что отмеченная тенденция экономики «третьей волны» является альтернативой капитализму «крупных корпораций». В своей книге «Теория информационного общества» Фрэнк Уэбстер утверждает, что сторонники «постфордизма» (полагающие, что наступил «закат» крупных корпораций) грешат упрощенчеством, «массовое производство остается преобладающим» [15, с. 115–118]. Ригористическая позиция ниспровергателей «крупного капитализма» повторяет обструкционизм марксистов, считавших неизбежным эсхатологический исход мелкой собственности в становлении буржуазной формации. Более конструктивной представляется концепция «поли-клеточной» «гибкой формы» (Юбера

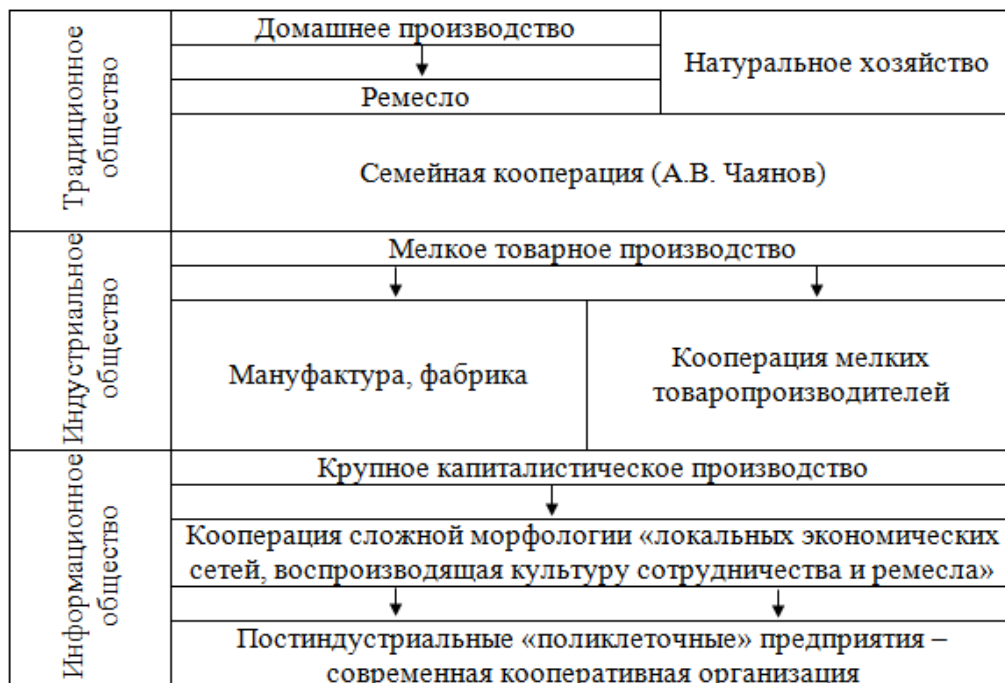

Рис. Этапы эволюции кооперативной организации экономики

Ландье), описывающая будущую экономическую организацию на основе объединения в крупные сетевые кооперации малых предприятий, функционирующих на основе конкуренции и сотрудничества [14, с. 229–230].

В контексте сказанного автор попытался схематически (см. рис.) представить этапы развития кооперативной организации:

Очевидно, что на всех этапах своего развития кооперация воспроизводит качественно новый уровень своей организации, оставляя в основании своего строя традиционные черты: доминирующую роль субъекта, наделенного уникальными способностями, коллективизм, локальные функциональные границы, позволяющие обеспечить принцип прямой демократии в управлении. Наиболее адекватно воспроизвела эти черты в реальной практике хозяйствования «японская модель

кэйрэцу», продуцировавшая «экономическое чудо». Инкорпорирование кооперативной теории в современное экономическое знание – нетривиальная адаптация теоретических положений к определению сущностных качеств кооперации, но агрегирование отдельных аспектов научных взглядов в синкретическую производную.

Одним из направлений теоретической конвергенции является опыт критического анализа «методологии индивидуализма». Содержание этого мировоззренческого концепта, институализировавшего научную метафору «экономический человек», кратко охарактеризовал один из его последователей, Джон Стюарт Милль: «Законы общественных явлений суть (и не могут быть ничем иным) законы активных и пассивных проявлений людей», т. е. «законы индивидуальной природы». «Соединяясь в общество, люди не пре-

вращаются в нечто другое, обладающее другими свойствами (курсив мой – В.Е.)» [8, с. 50].

Наибольшую последовательность и академическую завершенность эта доктрина получила в трудах представителя австрийской школы Людвиг фон Мизеса. По мнению Л. Мизеса, единственным «побудителем» общественного процесса, в том числе хозяйственного, являются «действия, производимые индивидами», «коллектив не существует вне деятельности отдельных членов» [7, с. 43]. Методологический индивидуализм – это «нетривиальный социальный атомизм» утверждающий, что «общество состоит из индивидов», а мировоззренческое представление, которое артикулирует социальное через индивидуальное, и в этом состоит позитивный момент, важный с точки зрения концептуализации кооперации и определения перспективы современных экономических трендов.

Конструктивное начало методологии индивидуализма состоит в утверждении центрального места в иерархии общественных ценностей собственно индивида, как главного актора общественного и экономического процесса, потребности которого являются основополагающими в генезисе и развитии кооперации, и современном индивидуализирующемся социуме. Механизм достижения единства индивидуального, консолидации отдельных самоценных элементов является основой кооперативной организации. Однако в транскрипции методологии индивидуализма роль индивида имеет некоторую ограниченность, препятствующую актуализации этой доктрины в качестве научного мейнстрима в

поиске направления цивилизационного развития. Эта ограниченность проявляется в двух основополагающих моментах.

Во-первых, человек, с момента как он становится таковым, является продуктом социальной институционализации: его система ценностей и даже самые приземленные мотивы и потребности детерминированы обществом. Социальное содержание индивидуального позволяет утверждать, что наиболее адекватной природе человека является коллективная, групповая или корпоративная формы организации хозяйственной деятельности. При этом было бы неверным расценивать это предположение как попытку концептуализации альтернативы индивидуально-частной инициативе, являющейся таким же естественным феноменом, как и коллективные формы экономической организации. Однако современный контекст экономических трансформаций, связанных с доминированием интеллектуального ресурса и сложностью научных проблем, актуализируемых потребностями развития общественного хозяйства, позволяет предположить депривацию форм экономических отношений, основанных на рациональных мотивах индивидов и возрастание до качественно нового уровня (в сравнении с доиндустриальными формациями) «человека интеллектуального» как субъекта наделенного уникальными знаниями и способностями.

Во-вторых, в контексте методологии индивидуализма, продуцированные «направленной деятельностью индивидов» институты, выглядят лишь как формализованная воля и потребность индивидов. Тем не менее,

созданные институты приобретают самодостаточность, реализуемую в специфических природных качествах и интерактивных свойствах, обуславливающих обратное влияние на индивидов. Один из сторонников институциональной экономической теории Джеффри Ходжсон поэтому по поводу заметил, «что индивидуальная и групповая (или коллективная) целеустремленность – вещи разные, и проводить разграничение между ними необходимо в любой ситуации» [16, с. 101]. Насколько трудно представить способность интеллектуалов-одиночек решить сложные научные проблемы, настолько невероятной представляется перспектива развития научных сообществ на основе простых отношений найма. Одним словом, институты, рожденные консолидированным целеполаганием самоценных субъектов, обретают более совершенное коллективное качество.

Положения институционалистов приобретают особую актуальность в определении социальной перспективы кооперации. Появившиеся как результат стремлений индивидов к увеличению коммерческой выгоды своих предприятий, кооперативы, сохраняя незыблемым центральное место каждого пайщика, создают целый ряд только им присущих свойств. Конструктивное начало институциональной экономической теории позволяет инкорпорировать в концепцию кооперации методологические положения, отражающие институциональные качества кооперативной идентичности.

Кооперация, согласно представлениям, сформированным российской школой экономической мысли, есть форма самоорганизации населения

для коллективной реализации экономических интересов и совместного получения товаров и услуг, проявляющаяся в определенных видах и формах. Простым видом кооперации индивидуумов является кооперация общественного труда, не генерирующая специфического укладного содержания. Зародившись на ранних стадиях развития цивилизации как необходимая организация для воспроизводства человеческого вида, кооперация общественного труда сохраняет свое значение и в наши дни. Формы самоорганизации граждан все же оказываются значительно более приемлемыми в решении проблем наименее состоятельной части населения или связанных с эксклюзивными запросами потребителей.

На протяжении существования простая кооперация труда реализовалась в трех основных формах. *Ситуативные объединения индивидов для разового выполнения задачи*, решение которой одним субъектом трудовой деятельности не представляется возможным (например, в отечественной крестьянской общине широко применялись так называемые «помочи», организуемые с целью безвозмездного коллективного участия мирян в решении проблемы одного общинника). *Артели – устойчивые (или сезонные) объединения специалистов одного профиля для организации коллективной трудовой деятельности*, имеющей целью максимальный заработок за счет разделения труда и особых умений и навыков мастеров. Артели широко представлены и в наши дни. По-прежнему сохраняют свое значение артели старателей, лесорубов, промысловиков и т. д. *Пролетарские коо-*

перативы – объединения, создаваемые государством на основе выкупаемых и передаваемых в аренду трудовым коллективам активов обанкротившихся предприятий с целью амортизации проблемы безработицы [22, с. 49]. В наиболее острый период мирового финансового кризиса правительства многих развитых стран Запады активно пользовались этой организацией для сглаживания остроты социальных проблем.

Несколько отличаются по форме, но аутентичны указанным пролетарским кооперативам по содержанию китайские коллективные предприятия. В ходе реформы, осуществляемой в Китае с 1992 г., были приняты «Установки по изменению механизма управления предприятиями общенародной собственности». Согласно правительственным решениям, мелкие государственные предприятия преобразовывались в паевые товарищества кооперативного типа, на основе передачи в распоряжение трудового коллектива государственной собственности на условиях аренды. К концу 1990-х гг. на коллективные предприятия приходилось 30 % продукции промышленности [4, с. 14]. Отсутствие у пролетарских кооперативов последовательно реализуемых качеств кооперативной организации (кооперативной собственности, формируемой за счет материальных ресурсов пайщиков, необходимых ментальных качеств у работников наемного труда) препятствует их стабильному функционированию в условиях рыночной экономики. Кроме того, на коллективных предприятиях больших размеров регенерируется несвойственное кооперации отчуждение пайщиков от

управления, что нарушает еще один важный кооперативный принцип «прямой демократии». Ограниченные функциональные возможности пролетарских кооперативов в организации экономики отмечены в материалах Международной организации труда: «Искусственно создаваемые и подконтрольные государству кооперативы, – говорится в аналитическом обзоре, – зависящие от правительственных субсидий и иностранной помощи, не обладают жизненной силой и гибкостью, необходимыми для их приспособления к новым условиям, и поэтому они, как правило, прекратят свое существование, как только перестают получать помощь со стороны» [12, с. 6].

Производственная кооперация, как форма организации со сложной морфологией, гармонизирующая труд и собственность, создает особое «природное» кооперативное качество: высокомотивированный труд участников, заинтересованное отношение к обобществленной собственности, организацию, основанную на прямой демократии. Производственная кооперация возникает на стадии перехода общества от традиционного к индустриальному состоянию и институционализируется как самостоятельное направление концентрации производства, не за счет объединения наемного труда, а в результате обобществления трудовых и материальных ресурсов мелких товаропроизводителей. Кооперация, основанная на объединении мелких хозяйств, достигает производительного эффекта не столько за счет совершенствования организационных или технических оснований, сколько за счет органического соединения труда и собственности.

Производственная кооперация ограничена социально-экономическими рамками, определяемыми доминантой субъективного фактора, а именно индивидуальностью мастера и возможностью участия каждого кооператора в делах предприятия, поэтому с переходом к массовому производству, предполагавшему примат крупной машинной промышленности, функциональное пространство хозяйственных объединений мелких собственников консолидируется вокруг определенных экономических «ниш», идентифицируемых по отраслям, видам производства и величине производственных единиц. В зависимости от глубины обобществления хозяйств товаропроизводителей, производственные кооперативы могут быть простыми и сложными. В простых товариществах обобществляется одно из направлений производственного цикла: сбыт, снабжение, кредит или пользование, совместно приобретенными техническими средствами, а в сложных – несколько или производственный цикл целиком. Широко популяризуемая в советском общественном сознании закономерность обязательного развития простых товариществ в сложные, кооперативной практикой не подтверждается.

В отличие от производственной кооперации, являющейся закономерной экономической формой, другой вид кооперации (потребительские объединения) представляет собой общественную организацию. Несмотря на очевидность несовпадения в происхождении, качественных отличий в содержании при внешней схожести форм, отечественная кооперативная мысль рассматривает потребительские союзы как явление однопорядковое с

производственными кооперативами. Специфика потребительских союзов, во-первых, основывается на исторически приобретенных, субъективных началах, иницирующих их возникновение, в то время как появление кооперации в целом стало результатом закономерных процессов. Во-вторых, потребительская кооперация, возникающая, приобретает иной, нежели другие формы кооперативных объединений, социальный смысл. Если основу последних составляют средние слои населения, интегрирующие свои материальные и трудовые ресурсы в более совершенную форму хозяйственной организации, то объединения потребителей создаются наименее состоятельной частью населения с целью удешевления получаемого товара или услуги.

Отсутствие обобществляемой в коллективную, выделяемой из частного владения, собственности, за исключением незначительного паевого взноса, в дальнейшем имеющего минимальное значение в распределении дохода, опосредованное участие пайщиков в делах, несут в себе ограниченность институционального качества потребительской кооперации и повышенную возможность мобильности в предпринимательские структуры. Потребительская кооперация не продуцирует собственной укладной идентичности и функционирует в рамках господствующих в обществе экономических отношений. Именно этим объясняется высокий потенциал ее социальной мобильности в сторону воспроизводства буржуазных отношений.

Актуализация кооперативной теории, обусловленная современными цивилизационными трендами, при-

обретает особое звучание в условиях России. Являясь мощным инструментом рекрутирования в хозяйственную деятельность и решения социальных проблем широкой инициативны граждан, российская кооперация способна значительно восполнить дефицит государственных и частных инвестиций в социально-экономическую сферу, усилий, направленных на поддержку малоимущих слоев населения, активизацию потребительского рынка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Галас М.Л. Вопросы истории и теории крестьянского хозяйства в трудах А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова: дисс. ... канд. историч. наук. М., 2000. 335 с.
2. Дахов И.Г., Теплов В.И. Развитие кооперативов в современной России. Белгород: Бел. ун-т потреб. кооп., 2008. 250 с.
3. Запесоцкий А. Исторический спор между капитализмом и социализмом как диалог культур // Экономические стратегии. 2012. № 6–7 (104-105). С. 76–83.
4. Ли Л., Кондрашева Л. Демократизация прав собственности: китайский вариант // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 2. С. 12–17.
5. Маркс К. Учредительный манифест международного товарищества рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960. С. 3–11.
6. Маркс К. Капитал [Т. 1] // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 729 с.
7. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. 878 с.
8. Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд. Г.А. Лемана, 1914. 880 с.
9. Парето В. Трансформация демократии. М.: Территория будущего, 2011. 205 с.
10. Соболев А.В. Развитие теории кооперации в исследованиях ученых русского зарубежья: дисс. ... докт. экон. наук. М., 2011. 215 с.
11. Виноградова И.Н. Учение А.В. Чаянова об организации крестьянского хозяйства: дисс. ... канд. экон. наук. М., 2003. 196 с.
12. Содействие развитию кооперативов: доклад Международного бюро труда (1). Женева: МОТ, 2000. 165 с.
13. Стиглиц Дж.Ю. Доклад о реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. М.: Международные отношения, 2010. 328 с.
14. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ, 2009. 672 с.
15. Уэбстер Ф. Теория информационного общества. М.: Аспект Пресс. 2004. 400 с.
16. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической. М.: Дело, 2003. 464 с.
17. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 416 с.
18. Чжунго хэпин фачжань гоцзи чжаньлюэ яньцзю [Исследование международной стратегии мирного развития Китая] / [под ред.] Кан Шаобан, Гун Ли, Бэйцзин: [изд-во школы ЦК КПК], 2007. 550 с.
19. Becattini G. Il calabrone Italia. Bologna: Mulino, 2007. 214 p.
20. Becattini G. The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy / F. Pyke, G. Becattini, W. Sengenberger (eds.). Geneva: International Institute for Labour Studies, 1990. P. 37–51.
21. Dellenbrant J.E. Fjreningsdemokrati och fjretagsdemokrati: tve vdgar till ekonomisk demokrati. Stockholm: LiberFjrlag, 1981. 85 p.
22. Gunn Ch. Workers' self-management in

- the United States. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986. 187 p.
23. Hebert Cl. Lyon Walras et les associations populaires cooperatives // Rev. d'economiepolit. 1988. A. 98 (№ 2). P. 243–260.
24. Wellenberg J. Socialdemokratins politiska problem / J. Wellenberg, L.-H. Molin, V. Kristerssors et. al. Stockholm: Timbro, 1987. 545 p.